

Б. А. Ларин

ОЧЕРКИ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов)
(Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. - М., 1977. - С. 125-149)

1

Плодотворным результатом лингвистической дискуссии 1950 г. следует признать всеобщее понимание той не популярной раньше истины, что ни в какой отрасли языкознания, ни в каком вопросе нельзя откладывать до будущего завершающего этапа разработку теоретических основ исследования, нельзя оставлять неясными, нельзя уклоняться от определения важнейших понятий, какими оперирует исследователь, от определения руководящих принципов и методов работы.

Подавляющая часть специальных исследований по языкознанию обходилась без этого. Типичны были описательные работы: выводы в них формулируются узко, применительно к ограниченному материалу, в качестве выводов предлагаются поверхностные заключения, не раскрывающие причинных связей, не вскрывающие объективных закономерностей развития языка. А разве теперь не перевелись пресловутые "специалисты по общему языкознанию", которым предоставлено решать за нас все "проклятые вопросы"? Нельзя сказать, что с этим покончено, что лингвисты все как один стали теоретиками, что они не отдадут уже в монополию господствующим "авторитетам" разработку теоретических вопросов. До этого мы еще не поднялись.

Но мы поняли, что самый верный путь к успеху исследования - смелая постановка общих вопросов, решимость самостоятельно выяснить те теоретические проблемы, какие определяют его ценность и интерес.

Фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще в стадии "скрытого развития". Она интересует многих, над нею задумываются, экспериментируют - и стар и млад. В этих опытах она приобретает традицию и характерные черты, но она еще не сложилась, не оформилась как зрелый плод подготовительных трудов.

Поэтому и самый термин "фразеология", означающий своим содержанием и составом науку о фразе, употребляется чаще для обозначения материала этой науки. Публикуются работы "о фразеологии" Салтыкова-Щедрина или другого писателя, тогда как именно такие исследования, а не их материал, следует называть фразеологией. Издаются сборники под заглавием "Фразеология делового языка", хотя там нет никакой науки о речевых единствах делового языка, а только алфавитный перечень его трафаретов. Говорят о "богатой фразеологии" русского, французского или любого языка, вместо того чтобы говорить о богатстве образными или идиоматическими сочетаниями. Если бы уже определилась, обособилась в кругу лингвистических дисциплин фразеология, то невозможна была бы такая путаница в употреблении этого термина. А выделение такой дисциплины нам уже необходимо, ибо всем ясна дилетантская беспомощность, разноречивость и безуспешность попутного, случайного разбора этого материала в лексикографии, стилистике, синтаксисе. Всем ясна и важность специального изучения этого своеобразного фонда выразительных средств языка.

Что же является объектом фразеологии? Каково место и отношение ее к другим лингвистическим дисциплинам?

Простое слово - одно слово, как бы оно ни было сложно по семантической структуре, как бы оно ни было идиоматично, переводимо на другой язык, не относится к области фразеологии, - это объект лексикографии и лексикологии.

Только словосочетания входят в круг наблюдений и становятся предметом исследования фразеологии. Однако не все, не всякие словосочетания. По мнению некоторых лингвистов, например проф. М. Н. Петерсона, свято блюдуемого в этом вопросе заветы фортуноватовской школы, предложение - один из видов словосочетания. Я же следую за сторонниками того взгляда, что предложение, как выражение завершенной мысли, - более сложная форма языкового единства, качественно отличимая от словосочетания, являющегося элементом предложения, выражающим неполную мысль, звено мысли. Поэтому синтаксис предложения и синтаксис словосочетания - самостоятельные и раздельные части синтаксиса всякого языка. Словосочетание, как языковое единство, стоит между словом (более элементарной единицей речи) и предложением. Словосочетания, как и слова, представляют материал для построения предложений. Как простейший вид выражения синтезирующей мысли, словосочетания являются расчлененными единствами речи, относящимися к синтаксису. Но те словосочетания, в которых внутренняя спайка составляющих слов обусловлена семантическим единством, смысловой целостностью, не могут быть объектом синтаксического изучения, - они настолько приближаются к лексике, как составные лексемы, что их надо рассматривать либо вполне самостоятельно - во фразеологии, либо в плане лексикологии, лексикографии, как это и делалось до недавнего времени. Словосочетание, как особый и своеобразный вид речевого единства, относительно недавно замечено и выделено языковедами. Далее, стало очевидным, что богатейший фонд словосочетаний любого языка неоднороден, что одна часть его тяготеет к предложению и относится к синтаксису, другая приближается к слову - это "неразложимые сочетания" (акад. А. А. Шахматов), "устойчивые сочетания" (С. И. Абакумов), т. е. тесные единства из нескольких слов, выражающие целостное представление. Они неразложимы лишь этимологически, т. е. вне системы современного языка, в историческом плане. Эта часть словосочетаний должна быть выделена из синтаксиса, но не может быть передана в ведение лексикологии, - именно она и составляет предмет фразеологии.

Нельзя оспаривать необходимость и законность привлечения и разработки фразеологических словосочетаний в лексикографии. Но там ставится относительно легкая - практическая задача: объяснить значение и применение фразеологических словосочетаний. С этой задачей лексикографы успешно справляются. В теории лексикографии не выработано еще четкое решение вопроса о месте, о правилах размещения фразеологических сочетаний [1].

Гораздо сложнее задачи фразеологии: надо выработать ясную и стройную схему для систематизации фразеологических словосочетаний, надо выяснить их образование и историю, надо уловить закономерность их появления и отмирания, удельный вес и соотношение с другими выразительными средствами языка.

Граница, отделяющая фразеологию от лексикологии, на первый взгляд очевидна: в одном случае изучаются простые слова, в другом - словосочетания. Однако идиомы, слитные речения можно бы и не противопоставлять простым словам, а считать их только разновидностью слова - "составными словами" и рассматривать их в особом разделе лексикологии.

Если бы, кроме неоспоримо расчлененных синтаксических сочетаний, существовали только идиомы, "составные слова", то, пожалуй, и не было бы нужды создавать новую дисциплину - фразеологию. Но наряду с идиомами, вполне слитными,

семантически целостными существует еще несколько разновидностей несвободных словосочетаний. Обилие, разнородность и своеобразие этого фразеологического материала не позволяют включать его целиком в лексикологию, а раз так, то и наиболее близкие к простому слову - идиоматические речения должны быть выделены из лексикологии и отнесены к фразеологии.

Не сразу можно найти и границу, отделяющую фразеологию от синтаксиса. Та часть словосочетаний, которой не свойственна заметная интеграция, спаянность компонентов, называется обычно "свободными словосочетаниями". Однако последние работы в этой области (акад. В. В. Виноградова) выяснили, что свобода и в этой категории словосочетаний относительна, далеко не безгранична. Она ограничивается и природой реального значения слова (например, лазурь, ивняк, диатез), и грамматическим значением (например, бочковатый, юркнуть, слезиночка), и принадлежностью к определенному кругу стилистических форм языка (например, поведать, околеть), и, наконец, традицией словоупотребления, для некоторых слов очень бедной (например, несусветный: в литературном языке - несусветный вздор, несусветная глупость, несусветная чепуха, чушь; в диалектах же еще - несусветная боль, несусветное чудо). Эти "относительно свободные сочетания" отчетливо разложимы и подлежат изучению в синтаксисе, кроме наиболее ограниченных. Если мы имеем лишь два-три варианта сочетаний с каким-нибудь словом, надо относить их к фразеологии, так как в таких случаях обычно нет четкой членимости, нет полной ясности значения слова. Несвободные словосочетания, в разной степени слитные по значению, относятся к ведению фразеологии.

А предложения? Как будто не относятся. Но фразеологические словосочетания как раз и отличаются от "свободных" именно тем, что они часто выражают завершённую мысль и тогда эквивалентны предложению. Следовательно, здесь линейного рубежа нет. Фразеологические словосочетания могут быть и полными предложениями.

Однако, обособляясь от лексикологии и синтаксиса по основному материалу изучения, фразеология не расходится с ними по первоначальному направлению исследования. Раскрытие лексико-семантического состава фразеологического словосочетания и определение его синтаксической структуры, если оно до известной степени расчленимо, - это первые операции фразеолога, предпосылка всякого истолкования, всякой систематизации. Методика этого первого этапа разработки несвободных словосочетаний не отличается от обычных приемов работы лексиколога, лексикографа и синтаксиса - до некоторых пор их путь один, они помогают друг другу. Но дальнейшая, наиболее важная и ответственная работа фразеолога - установление объективных закономерностей образования и развития несвободных словосочетаний - открывает перед ним иные горизонты, за пределами лексикологии, лексикографии и синтаксиса. Синтаксист доволен констатацией большего или меньшего соответствия нормам, большего или меньшего отклонения от нормы данного языка в словосочетаниях. Причины, происхождение этих отклонений, функции их в современном языке и на предшествующих этапах его развития - вот задачи, которые будет разрешать фразеология, а не синтаксис. Лексикографы констатируют отклонения в значении слов, входящих в устойчивые словосочетания, приводят и поясняют их в словаре, но не их дело, по крайней мере с тех пор, как выделилась фразеология, устанавливать шкалу обесцвечивания, размывания значений слов-компонентов в идиомах, не их дело - установить полную схему соотношений смыслового ядра и подчиненных элементов значения идиомы, не их задача - история формальной и смысловой структуры несвободных словосочетаний.

Так определяются отношения фразеологии к соседним дисциплинам и ее основные задачи.

2

Предпосылки фразеологии подготовлены были в лексикографии и стилистике. В практике словарного дела уже давно (в России более трех столетий тому назад) приводятся и поясняются словосочетания с особым значением, не сводящимся к обычному значению его компонентов.

Уже в "Азбуковниках ... неудобь познаваемых речей" и "Алфавитах, сказующих толкование иностранных речей" XVII в. собраны из библейских текстов и переводных книг многие темные выражения и пояснены переводом на общепонятный язык. Так, в "Алфавите" (из рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, № 446, л. 150) под словом тризна приведено и словосочетание: "на тризну - на подвиг против сопостат". В "Азбуковнике" (список XVI-XVII вв.), напечатанном в V книге "Сказаний русского народа" (изд. Сахарова), на с. 173: "Непшевати вины о грѣсѣх - мнѣти инаго быти виновна своему прегрѣшенію, а не на ся вину своего предткновенія возлагати"; на с. 174: "Ныреве Семирамстіи - столпи Семирама, царя индійского. Слышах ты нырища столбами называеми, не мни быти им простыми столбами, яко бывают в палатах подпор ради и сводов, но столбы тии бяху аки башни превелики и высоки, внутрь их восходы, палаты четверокровны и трикровны..." [2]. Несколько несвободных словосочетаний из разговорной речи XVI в. истолковано в "Парижском словаре москвитов 1586 г.", например: "яз по нем порука" (520); "мясо не поспело, мясо туго" (472-473).

Еще больше данных по русской идиоматике начала XVII в. в Русско-английском словаре Ричарда Джемса 1618-1619 гг. (о них ниже). Федор Поликарпов в "Лексиконе Трехязычном" (русско-греко-латинском) 1704 г. тоже разъясняет два-три десятка несвободных словосочетаний из разговорного обихода образованных людей Петровской эпохи:

1) л. 129 об.: по чину уряжаю (воинство) ...ordinare milites (т. е. "строить войска в боевой порядок");

л. 130: извихаю ногу ...extorqueo talum, laxo;

2) л. 30 об.: Правды своя отступаю ...de jure suo decedere (т. е. "поступаться своими правами");

л. 164 об.: Лѣтъ ми есть, вольно мнѣ; л. 152 об.: на моей сіе воли;

л. 182: Налезити мнѣ сіе, зри пристойти или приличествуеть;

л. 179: На возьми! ...esse accipe, en sume;

там же: набиваю уши (кому) словами ...insusurro aliquid alicui (нашептываю, докучаю);

л. 183: на ниткѣ виситъ, пословка о дѣлѣхъ окончания ждущих;

там же: наницъ, наничь, на выворотъ одѣваю (одежду);

л. 185: На руку мнѣ сіе, сирѣчь угодно или в пользу.

Громадное количество фразеологического материала собрано и объяснено в двух словарях Академии Российской и в Словаре церковнославянского и русского языка, сост. II отд. Академии наук, 1847 г., в Толковом словаре живого великорусского языка В.

И. Даля и позднейших больших словарях русского языка. Однако эта вековая работа по накоплению фразеологического материала только в начале XX в. получила теоретическое обоснование.

Русские лингвисты первые продвинули разработку вопроса о словосочетаниях в синтаксическом плане (акад. Фортунатов, акад. Шахматов, проф. Поржезинский, проф. Абакумов, в последнее время акад. Виноградов).

В стилистико-семантическом плане много сделала для выяснения типов фразеологических сочетаний "швейцарская школа" Ф. де Соссюра - Альбер Сеше и Шарль Балли. В книге Ш. Балли "Traite de stylistique francaise" (2Ed., Heidelberg, 1921, pp. 66-92) была дана первая развернутая классификация фразеологических речений. Я перескажу ее, так как акад. Виноградов в своих статьях, упоминая о ней, не приводит ее в полном виде. Проверая эту классификацию на русском, литовском и латышском фразеологическом материале, я подобрал свои примеры, которые должны облегчить читателю восприятие и критическую оценку этой схемы.

Полярными разновидностями Ш. Балли считает: а) неразложимые единства (*unites indecomposables*) и б) переменные словосочетания (*groupements passagers*).

Между ними можно наметить, по его словам, сколько угодно промежуточных разновидностей словосочетаний, обладающих убывающей степенью слитности. Но конкретизирует он лишь одну промежуточную категорию "стереотипных оборотов речи" - с четырьмя подвидами:

1. Фразеологические речения, в которых связь элементов настолько тесна, что они по значению почти неразграничимы, хотя синтаксическая членораздельность налицо: *avoir lieu* - 'случиться, произойти'. Русские: чёртова кукла, из-под палки, дать осечку; литовские: *gala gauti* - 'погибнуть', *vejo vaikas* - 'ветрогон'; латышские: *labu tiesu* - 'изрядно, порядочно', *vera liekams* - 'достопримечательный'.

2. Устойчивые словосочетания, в которых определительный элемент имеет лишь усилительное значение, а его собственно-первоначальное значение ослаблено: *chaleur accablante*, *chaleur suffocante*, *une reconnaissance infinie* (т. е. 'удручающий, удушающий зной', 'бесконечная благодарность'). Русские: страшно молод, миллион терзаний; литовские: *graudziai verkti* - 'горько плакать', буквально 'жалостно плакать'; латышские: *augu dienu*, *augu muzu* - 'весь день, весь век'.

3. Определительный элемент стереотипного словосочетания полнозначен и составляет сильнейшую по смыслу часть его, но все-таки он сливается со своим определяемым в некоторое относительное единство: *desirer arderment* - 'пламенно желать', *battre en retraite* - 'бить отбой'. Русские: светлая голова, нечаянная радость.

4. Составные части речения относительно самостоятельны и находятся как бы в равновесии, но значение его так целостно, что вполне синонимично одному слову и, во всяком случае, соответствует единому понятию. К этой категории, переходной от стереотипных словосочетаний к свободным словосочетаниям, Ш. Балли относит все сложные термины, начиная с *chemin de fer* - 'железная дорога'. Русские: воспаление легких (= пневмония), повивальная бабка (= акушерка), сестра милосердия; литовские: *sokiu vakaras (vakarelis)* - 'танцулька', *radijo aparatas*; латышские: *deguna dobums* - 'носовая полость', *valeja vestule* - 'открытка'.

Ш. Балли уделил много внимания установлению критерия для четкого выделения "неразложимых единств". Эти критерии подразделены у него на внешние и внутренние. Решающими он считает только внутренние критерии: 1) возможность подыскать равнозначное выражение того же значения одним словом; 2) забвение значения составляющих слов. Это отличие идиоматических оборотов речи особенно отчетливо выступает в тех случаях, когда они содержат архаизмы, неупотребительные вне данной идиомы, иногда совсем непонятные. Наличие грамматических архаизмов тоже делает очевидной неразложимость идиомы.

Внешних критериев два: 1) неизменность порядка слов; 2) незаменимость компонентой словосочетания.

Однако Ш. Балли показал на ряде французских примеров, а позже В. В. Виноградов на русских примерах, что эти критерии ненадежны и могут быть приняты только как вспомогательные. Неразложимые сочетания нередко допускают и частичную замену слов и их перестановку: выставить (или пригвоздить) к позорному столбу; мелким бесом вьется (или вьется мелким бесом) и т. д.

Те из несвободных речений, какие наиболее приближаются к неразложимым единствам, естественно, могут определяться и выделяться с помощью этих же внутренних и внешних критериев.

В плане стилистического исследования фразеологического материала Ш. Балли показал и большое значение эмоционально-экспрессивного содержания речений для создания фразеологических единств.

Итак, в классификации Ш. Балли остро и разносторонне охарактеризованы полярно противоположные типы словосочетаний, но довольно расплывчато или уклончиво намечены промежуточные категории. Он выделил шесть групп словосочетаний, сводящихся к трем основным: неразложимые, стереотипные и переменные.

Заметный шаг вперед в разработке теории устойчивых словосочетаний сделал акад. В. В. Виноградов. В 1946 г. он опубликовал статью "Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины" [3]. В 1947 г. появилась новая статья В. В. Виноградова "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке" [4]. В этой второй статье, представляющей вторую редакцию первой статьи, мы находим более обстоятельную и богатую иллюстративными материалами классификацию фразеологических словосочетаний. По этой статье я и воспроизведу его схему, сравнивая ее с классификацией Ш. Балли, что позволит наглядно показать медленный, но неоспоримый прогресс в разработке этой новой проблемы.

Разносторонне и на широкой основе выяснен в работах акад. Виноградова вопрос об ограниченности (или об относительности) "свободы" сочетаний любого слова в языке. Эти наблюдения и выводы имеют большое значение не только для фразеологии, но и для синтаксиса. Я приведу дополнительные материалы ввиду важности понимания того тезиса, что в классификацию фразеологического материала должны входить и так называемые свободные словосочетания как отправная, исходная категория.

Итак, сочетаемость слова ограничивается в любом языке, как уже упомянуто выше, целым рядом факторов:

1. Грамматическими значениями слова. Например, в русском языке, как и в литовском, латышском, украинском и т. д., наречия, как правило, не сочетаются с именами существительными, названия одушевленных предметов сочетаются с одним определенным кругом глаголов и прилагательных, названия неодушевленных предметов - с другим кругом глаголов и прилагательных и т. д.

2. Реальным значением слов. Например, литовское *gageti* или *gagenti*, *gaguoti* - говорится только о гусях и утках, а соответствующий этим литовским глаголам русский глагол гоготать употребляется в прямом значении только о гусях, а переносно

- о грубоватом, раздражающем мужском хохоте. Литовские *sartas, deresas*, как и соответствующие им русские прилагательные *буланый, чубарый* - употребляются только в словосочетаниях, описывающих лошадей.

3. Стилистическим тяготением слова, принадлежностью к определенному языковому стилю. В Литовско-русском словаре Ю. Шляпялиса (1921-1926, т. I, с. 123) читаем; *Zmones valgo, galvijai eda, pauksčiai lesa* (т. е. 'люди едят, скотина жрет, птицы склевывают'). А вот в латышском языке нет такого стилистического ограничения в употреблении глагола *est*, и в русском также. Словарь *Mulenbach-Endzelin. Latviesu valodas vardnīca* (т. VIII, с. 577) дает такую формулу гостеприимства: *lai veseli edusi!* (соответственно русскому *ешьте (или кушайте) на здоровье!*), но наряду с этим глагол *est* употребляется и о свиньях, лошадях: *sīvens labi edas, pamest zirgam est*. Ср. в русском: "Дай ребенку есть!", "Я хочу поесть", "Этого и собака не станет есть!" и т. д.

4. Традицией словоупотребления. Есть немало слов в любом языке, о которых в больших словарях замечают: "редко", выделяя их по малоупотребительности. Эти редкие, отмирающие слова были когда-то ходовыми, неограниченными в своей сочетаемости, но, в силу тех или иных причин, вытесняются на данном этапе развития языка более активными в нем синонимами. Поэтому употребление этих устаревших слов ограничивается несколькими традиционными формулами. Например, слово *околичность* в Словаре 2-го отд. АН 1847 г. (т. III, с. 58) определяется в трех значениях ('окрестность', 'побочное обстоятельство', 'предметы, окружающие главные фигуры на картине') как широко употребительное слово. То же в Толковом словаре В. И. Даля (изд. 3-е, т. II, с. 1716). В Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова хотя и дано развернутое определение значения, но примеры даны только на формулу: без (всяких) околичностей. В сокращенной переработке этого словаря введена помета "устар." (см. Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. Изд. 2-е. М., 1952, с. 401). < Ограниченность сочетаемости этого и подобных слов несколько не зависит ни от его основного значения, ни от грамматического значения, ни от стилистического колорита. Остается только непонятная на первый взгляд "законность традиции".

Не следует ли нам отказаться ввиду сказанного от термина "свободные словосочетания" и называть их изменяемыми или переменными словосочетаниями - в отличие от неизменяемых, неизменных или устойчивых словосочетаний?

От этой исходной категории, господствующей в каждом языке, акад. Виноградов отличает еще три другие:

I. Фразеологические сращения. Словосочетаниям этого разряда обязательно свойственна семантическая неразложимость и, факультативно, синтаксическая или грамматическая неразложимость. Примеры: *ничтоже сумняшеся* - 'решительно, без колебаний'; и *был таков (и была такова)* - 'скрылся'. Эти словосочетания синтаксически членораздельны, но семантически неразложимы.

Применение классификации акад. Виноградова к литовскому или любому другому языку может послужить практической проверкой ее, поможет нам подтверждением достоинств или обнаружением ее недостатков. Я приведу поэтому литовские примеры.

В большом академическом Словаре литовского языка (*Lietuvių kalbos žodynas*, т. II, 1947, р. 311) под глаголом *deti* находим фразеологическое сращение *Kas (tau) des* в значении 'нет': *Ar yra speigo? - Kas tau des* (Большой мороз? - Нет!) (Шатес). *Kas tau des brangius javus - pusdykiai pardaviau!* (Где уж там дорогое жито - почти задаром продал!) (Эржвилкас). *Ar daug si meta abuliu - Kas des daug!* (Много ли в этом году яблок? - Где уж там! = 'нет') (Вейвирженай).

II. Вторая группа в схеме акад. Виноградова получила наименование фразеологические единства. Она отличается от первой смысловой разложимостью и большей самостоятельностью компонентов.

Русские примеры: *поминай как звали* (= 'пропал, погиб'), *бабье лето* (= 'теплые дни осени'). Сюда относит акад. Виноградов и термины-словосочетания: *красный уголок* и *под*.

Литовские примеры: а) *Moteriskės truputį, i kuoda idejusios pradejo kozna vyta savo pelkti*. LKZ, II, р. 302 (Бабы немного подвыпили, начали - каждая своего - мужей бранить). Выражение *i kuoda ideti* - буквально 'в чубок заложить' (ср. русское *заложить за галстук*) означает 'немного захмелеть', здесь каждое слово сохраняет еще бледный контур своего прямого значения, а совокупность их порождает то переносное значение, которое на этом слабом фоне прямого значения приобретает юмористический колорит; б) *Ta jau padejo sauksta* (= *mire*). LKZ, II, р. 302 ('Она уже померла' - буквально 'положила ложку').

Немало словосочетаний этого типа образуется в различных языках от числительных в несобственном, несчетном значении: *сто раз говорил вам!* (= 'часто повторял'); *за тридевять земель* (= 'далеко-далеко').

В литовском: а) *Gardu kaip devyni medus* (буквально 'вкусно, как девять медов', т. е. 'очень вкусно'); б) *Devynios galybes žiurkiu* (= 'несметное множество крыс' - буквально 'девять могуществ крыс'; в) *Greitas kaip devyni vejai* (= 'быстрее ветра' - буквально 'как девять ветров').

Эта категория устойчивых сочетаний - в любом языке - значительно более широка по объему, чем сращения.

Определяя факторы, способствовавшие ее распространению, акад. Виноградов указал на эмоционально-экспрессивную окраску и ритмическую симметричность, рифму, как на факторы, ускоряющие и скрепляющие спайку элементов словосочетания. Примеры:

а) *Вот тебе и на!.. Белены вы объелись!* б) *Федот да не тот! Еле-еле душа в теле!*

III. Третью и последнюю группу акад. Виноградов называет фразеологическими сочетаниями. Они образуются словами с несколько ограниченной сочетаемостью, но стоят ближе всего к переменным ("свободным") словосочетаниям.

Русские примеры: *Беспобудный сон*. *Беспобудное пьянство*. (Есть ли другие сочетания со словом *беспобудный*?) *Затронуть честь* (~ *гордость, самолюбие*).

Итак, у акад. Виноградова четыре разряда словосочетаний. Его классификационная схема более широка по охвату, более равномерна по соотношению разделов, а главное, характеристика основных групп разработана более обстоятельно. Нечеткими оказались границы третьего разряда - от них незаметно переходим к переменным ("свободным") словосочетаниям, да и "фразеологические единства" переливаются во "фразеологические сочетания" так легко, что можно спорить чуть ли не о каждом примере. Почему, скажем, терминологические сочетания относятся ко II, а не к III разряду? В схеме III. Баллы они поставлены ближе всего к "текучим" (переменным) словосочетаниям. Термины *красный уголок* или *заочное обучение* так же членораздельны, как *беспобудное пьянство* или *затронуть честь*, и так же обладают прибавочным значением, восполняющим значимость каждого из составляющих слов. А словосочетания II разряда ("фразеологические единства") отличаются от терминологических гораздо более заметным удалением от первоначального значения, затемнением основного значения слов-компонентов. Только древние

терминологические пары могут быть сближены с тесными фразеологическими единствами II разряда (например: грудная жаба, антонов огонь, галантерейная лавка, тайный советник). Современные же сложные термины (аналитическая геометрия, партийная демократия, реактивный двигатель), стремящиеся к точности и сообразности, гораздо ближе к текучим (переменным) словосочетаниям, чем к фразеологическим единствам.

Важным отличием метода акад. Виноградова во фразеологии необходимо признать его разыскания исторического характера. Для ряда фразеологических сочетаний он нашел старшие, более ранние формы в источниках XVIII в., что позволило ему проследить изменения в их составе и структуре на протяжении двух столетий.

Когда-то полное речение: Ни в зуб толкнуть не смыслит! постепенно сократилось: Ни в зуб толкнуть! и даже: Ни в зуб! [5].

Эти наблюдения над изменениями фразеологического материала, требующие исторических исследований, вплотную подвели акад. Виноградова к перестройке описательной фразеологии в историческую. Но он не сделал этого важного шага.

Такова краткая история фразеологии как науки.

3

Существенным недостатком предложенных до сих пор классификаций является их ограничение материалом современного и притом почти исключительно литературного языка.

Для "швейцарской школы" этот отказ от историзма в построении фразеологии был принципиально важен, как последовательное проведение разграничения синхронического и диахронического языковедения. Всякая попытка восстановить пройденные этапы (неодобрительно именуемая в этой школе "этимологизацией") будто бы разрушает и умерщвляет фразеологические образования. Диахронические исследования должны якобы сосредоточиться на изменениях формы, а реконструкция значения, понимания оборотов речи субъективна и сомнительна, так как обычно у нас нет богатой и последовательной документации изменений их смысловой стороны [6].

Методологически порочная антитеза синхронической и диахронической лингвистики, приводящая к предубеждению, скептицизму и запретам в отношении исторической семасиологии, закрыла для А. Сеше и Ш. Балли путь к исторической фразеологии. Тезис об утрате неразложимости фразеологических сочетаний при историческом их исследовании ("этимологизации"), справедливый сам по себе, привел Ш. Балли к неправильному выводу, к отрицанию исторического плана разработки фразеологии.

Акад. Виноградов дал яркие примеры важности и законности исторических справок и сопоставлений во фразеологии, но он не перешел от разрозненных наблюдений исторического порядка к перестройке всей системы классификации; его схема так же синхронистична, как и схема Ш. Балли. Мы видим теперь необходимость такой перестройки. Признавая вполне целесообразным сохранить синхронистическую ограниченность изучения фразеологии в литературной стилистике (например, в языке того или другого писателя), мы вполне осознали насущную необходимость исторической разработки фразеологических материалов по всем доступным источникам: памятникам письменности с X в., фольклорным текстам и диалектальным данным. В этом мы видим теперь основную, решающую задачу.

Несколько попутных замечаний о факторах образования фразеологических единств мы встретили в книге Ш. Балли (эмоционально-экспрессивное содержание речений, сакраментальная неизменяемость, недвижимость некоторых формул); вскользь касается этих факторов и акад. Виноградов. Однако всякому читателю ясно, что замечания в этих работах не решают вопроса, не приближают к его решению. Несомненно, что происхождение, пути и закономерности образования фразеологических сочетаний могут быть выяснены только при историческом построении фразеологии, при разработке всех богатств средневековой и древнейшей идиоматики, устойчивых словосочетаний как русского, так и других языков. А пока этим не занимались, вопрос об их происхождении и закономерностях исторического развития остается без ответа.

Большое значение для фразеологии как лингвистической дисциплины будет иметь и широкое применение сопоставлений, сравнительного метода. Не только громадное количество уже известных соответствий во фразеологии различных языков, но и общие закономерности их истории будут раскрыты этим путем наряду со специфическими закономерностями конкретной истории отдельных идиом в том или другом языке.

4

Едва ли можно оспаривать тезис, что все "неразложимые словосочетания" (идиомы, фразеологические сращения) явились в результате ряда деформаций словесного выражения мысли, когда-то вполне ясного, недвусмысленного и конкретного, отвечавшего нормам живого языка и по грамматическому строению, и по лексическому составу, и по семантическому содержанию. Семантическая слитность, целостность образуется раньше, скорее. Для "созревания" грамматической неразложимости нужны века.

Рассмотрим ряд примеров исторической эволюции фразеологических словосочетаний.

В рукописном сборнике пословиц XVII в., изданном П. К. Симони [7], мы находим богатый материал для истории русской фразеологии. Большинство пословиц содержит в себе фразеологические словосочетания разных степеней слитности. Только немногие пословицы совпадают в этом сборнике с современными (№ 2639: "Что с воза упало, то пропало"); чаще соответствующие пословицы нашего времени отличаются в одной-двух деталях (№ 2648: "Шила в меху не утаить"), но значительная часть пословиц этого сборника вышла из обихода, поэтому фразеологичность их вскрывается только при историко-сравнительном анализе. Подбор вариантов пословиц, включенных в этот сборник (а также и по другим источникам), выстраивание их в исторический ряд на основании исторической грамматики, исторической лексикологии и исторической семасиологии позволяет раскрыть их смысл, идиоматичность некоторых элементов их состава и проследить эволюцию этой идиоматичности.

На с. 79 издания П. Симони под № 199 находим: 1) "Были те рога в торгу". Это словосочетание непонятно, хотя каждое слово нам хорошо известно. Причина непонятности этой идиомы в ее фрагментарности. Сопоставляя ее с другим вариантом (с. 80, № 242): 2) "Быть богату - быть и рогату", мы уже можем строить какие-то догадки о значении "рогов в торгу". Но еще большую ясность и уверенность в правильном понимании дает привлечение третьего варианта (с. 82, № 311): 3) "Буду богат - буду рогат,

кого захочу, того избуду". Эта наиболее полная форма поговорки не требует никаких пояснений, она не содержит никакой идиоматичности. В предыдущем варианте, как ясно из сопоставления, она имеется, но в слабой степени, так как легко догадаться, что смысл ее такой: 'Кто богат, тот должен (тому надо) и постоять за себя'. Первый, наиболее деформированный вариант лишь в связи со вторым и третьим может быть расшифрован примерно так: 'Была когда-то у него (у тебя) сила за себя постоять'. В формуле были те рога в торгу сохранился только смутный отголосок конкретного содержания первоначального речения, оно стало обобщенно-иносказательным.

В литературном языке XIX в. употребительно было фразеологическое сращение разузнать всю подноготную [8]. Оно восходит к средневековой, к эпохе жестоких пыток в застенках Московской Руси. До XVIII в., пока забивание спиц, раскаленных иголок под ногти было хорошо и широко известно как обычная пытка при допросе, - формула того времени: вызнать всю подноготную (правду) была полностью разложима и конкретна по значению. Она становится идиоматичной, семантически неразложимой с того момента, когда утрачивает реальное значение и приобретает метафорическое. Меняется несколько и словесный состав формулы; узнать всю подноготную теперь значит: 'разузнать все интимные подробности, все личные тайны'.

В "Слове Даниила Заточника" (основная редакция XII в.) читаем фразу (XXIII): "Дивя за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати" [9]. В XII в. это было прозрачным образным сравнением: "Как легко (хорошо) пасти коней за бугром, так и воевать на стороне владетельного князя". Почему легко? С горы вовремя увидишь, уследишь всякую опасность, да и от непогоды под горой найдешь защиту. Однако уже в XVI-XVII вв. это речение стало непонятным, стало семантически да и лексически неразложимым, - отсюда такие разночтения в списках XVII в.: "Дивя бо за бояш кони пасти" (список Никольского); "Дивя на бояньм кони пасти" (список Барсова). Эти искажения показывают, что слово дивья - 'легко', до сих пор живое в валдайских и некоторых вологодских, архангельских говорах, и слово буян - 'бугор', известное в псковских и некоторых новгородских говорах, исчезли из общенародного и из литературного языка уже в Московскую эпоху. Непонятность этих двух слов сделала фразу Даниила Заточника сперва идиоматичной, а потом и вовсе темной.

С помощью изустной традиции народных говоров разъясняется смысл и другого фразеологического оборота в том же памятнике (XVI): "Никто не может соли зобати", что значило 'никто не станет есть соль с горсти (как ягоды)'. Идиоматичность создана здесь смелым образным сочетанием глагола зобати с неожиданным дополнением соль.

Сопоставление с другими памятниками помогает реконструировать смысл фразеологического сочетания впадать в вещь у Даниила (Заточника (XXXIII): "И князь не сам впадает в вещь, но думци вводят". Смысл этой фразы раскрывается при сопоставлении с такими: "...въ Псковѣ миряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещехъ" [10] (Грамота митр. Киприана 1395 г.), "О согрѣшшихъ въ различныхъ вещехъ" (вар.: грѣсхъ - Ефремовская Кормчая). Значение слова вещь в нашем контексте редкое, (необычное: 'проступок, грех, преступное дело'; следовательно, впадать в вещь - формула, синонимичная совершать грех, преступление, но, в отличие от последней, идиоматичная.

Уже для XII в. неразложимым было словосочетание: "(возвеселюся) яко исполин тещи путь" [11], так как оно представляет глухой отголосок преданий о нашествиях завоевателей в очень отдаленном прошлом даже для XII в., о готском племени опалов (исповов), от имени которых произошло наше нарицательное слово исполин. Ср. такое же идиоматичное речение - осколок предания о племени аваров: "погибоша аки обре" в "Повести временных лет".

Почему фраза "В воду глядит, а беду говорит" включена книжником XVII в. в сборник пословиц? [12] Пока эти слова только описывали ворожбу, непосредственно отражая жизненный опыт, они были "свободным" словосочетанием. Когда же утрачена была вера в колдовство, эта формула стала выражать насмешку над колдунами и получила возможность иносказательного применения к другим случаям загадочного или несуразного поведения. Тогда и образуется такая "прибавочная значимость" словосочетания, которая выводит его из "переменных" в разряд устойчивых, идиоматичных словосочетаний. Эта новая функция речения и послужила основанием для включения его в сборник пословиц.

Еще пример из того же сборника: "Гуси летят с Руси, а сороки в Запороги" [13]. На первый взгляд, здесь картина осеннего перелета птиц. Какой же был второй смысловой план этой поговорки в XVII в.? Ключ к этой народной загадке дает последнее слово - Запороги. Это иносказание, притом до некоторой степени затаенное, о перелете крепостных в казачество, через Дикое Поле на Дон и в Запорожье. Ритмичность и рифма фразеологически скрепляют это речение, а иносказание размывает частные словесные значения, образуя целостное значение: 'от неволи (ненастыя) - в привольные теплые края!'

Не только в поэтической литературе, но и в деловом языке Московской Руси находим образную идиоматику, проникшую туда из живого языка:

А пойдет на тебя крымская рать,

Хоти нам птичьим языком весть подай [14].

Разведчики и пограничники в наше время, лазутчики и сторожевое охранение в Древней Руси - со времен "Слова о полку Игореве", а, возможно, и раньше - пользовались и пользуются маскировочными звукоподражательными сигналами наподобие птичьего свиста, птичьего пения, иначе говоря - "птичьим языком". В приведенном источнике выделенный нами оборот речи еще очень близок к первоначально профессиональному своему значению, но уже содержит фразеологическую метафоричность, так как в целом означает: 'любыми средствами и как можно скорее извести, предупреди нас!' Такая образная формула появилась в результате заимствования и перенесения ее из профессиональной разговорной речи в общий фразеологический запас литературного языка, в результате того что обобщенное и более отвлеченное значение заслонило и оттеснило на второй план первое - прямое значение словосочетания.

До сих пор не вышло из употребления метафорическое словосочетание: "Не до жиру - быть бы живу!". Теперь оно понимается так: 'Где уж нам (ему) благоденствовать, только бы выжить!', или еще более иносказательно: 'Всем можно пожертвовать, чтоб не пропасть'. Мы осмысляем этот фразеологический оборот, исходя из современного значения составляющих слов, хотя и догадываемся, что не все тут укладывается в нормы современного языка. Древность этого речения заставляет искать исторически углубленного толкования исходного значения этого словосочетания, отправляясь от древнерусского значения слова жир - 'добыча, достаток, богатство'.

В "Слове о полку Игореве": "...Кають Князя Игоря, иже погрузи жир во днь Каялы рькы Половецкїя", далее в текст включена маргинальная глосса: "русского злата насыпаша", позднейшая и ошибочная, так как Игоревы дружина разметала и потопила на переправе при отступлении не русское золото, а "злато и узорочья половецкие". Основной текст вполне ясен: "...порицают и бранят князя Игоря за то, что утопил в Каяле реке половецкую добычу".

На этом основании древнейшее значение нашей идиомы можно восстановить в таком виде: 'Если не удалось нам вернуться с добычей (победой), так хоть бы живыми уйти'. В пору такого понимания начальная часть этого речения не до журу уже была идиоматична, так как смысл ее выходил за пределы прямого значения.

Проследим теперь путь развития нескольких фразеологических словосочетаний литовского языка. Старшее поколение литовцев и сейчас выражает свое огорчение и раздражение таким восклицанием: *Gyva beda (su juo)* - буквально 'живая беда', и значит это: 'Горе мне (с ним)'. История этого идиоматического речения освещается рядом пословиц, которые я извлекаю из богатого сборника *Lietuvių patarles ir priezodžiai* [15]: *Gyvos bedos žmogų apsedo* (III, 12161) - 'Живые беды его обступили'; *Gyvos bedos žmogų skarmalais apredo* (III, 12162) - 'Живые беды его в лохмотья нарядили'; *Gyvos bedos greitai žmogų ir paskutine sermeksa nuredo* (III, 12157) - 'Живые беды скоро с него последнюю сермягу снимут'.

Эти пословицы заставляют вспомнить русские сказки и песни о Горе, где Горе - живое существо, оно спаивает, разувает и раздевает донага героя под видом "мил-сердечна дружка", ведет его к гибели.

Отмирание первоначального сказочного сюжета и образа Гора приводит к разрушению и перестройке пословиц; возникают новые, в которых осколки древних пословиц получили переносное и более бледное значение: *Gyva beda su juo, nei jis arti, nei jis aketi, tik paskui mergas begineti* (III, 11781) - буквально: 'Живая беда с ним! ни он пахать, ни он бороновать, только за девицами бегать!' От этой позднейшей формулы в бытовой речи остается одно только начало: *gyva beda!*

Подобная по форме, но иная по значению идиома: *Gyva rekla!* пережила сходный процесс распада. Древнейший состав полного речения был примерно таков: *Gyva rekla ju (velniu) sia susirinko!* (III, 11800) - буквально: 'Живое пекло их (чертей) тут набралось'. Следующий, позднейший вариант: *Gyva rekla bedu, nors gyvas zemen lisk* (III, 11799) - 'живой ад несчастий, хоть заживо в могилу полезай'.

Забвение образа, расчленение формулы приводит к таким новообразованиям, которые ясно свидетельствуют об утрате первоначального значения: *Gyva rekla ju (vaiku) pas mane yra* (III, 11801) - 'Их (~ детей) у меня полон дом!' - буквально: 'живой ад'.

В самом широком обиходе сохранился еще и такой пережиточный, семантически опустошенный, идиоматический оборот речи: *vargais negalais* - в смысле наречия едва-едва. Корни этой идиомы в старых поговорках: *Gyvena tarp skausmu, neisbrenda is vargu* (III, 11949) - 'Живет в мучениях, не выбредет из нужды'.

Сокращенные варианты: *Gyvena tarp skausmu ir asagu (~ vargu, ~ bedu)* (III, 11948) - 'Живет в муках и слезах (~нужде, ~ горе)'. Наконец: *Gyvena vargais negalais* (III, 11950) - 'Живет в нескончаемых бедах'.

Позже обломок этого речения превращается в наречие, в котором окончательно угас старый трагический образ.

Такой же переход или сдвиг от жуткого древнего реального значения к бледному, почти лишенному эмоциональной окраски и конкретного содержания - метафорическому видим и во фразеологической формуле: *Gyvam kailio nelupsi* (III, 11789) - буквально: 'С живого кожу не будешь драть', а употребляется теперь в значении 'Что с него возьмешь!' Подтверждением этого вторичного значения служит более полная форма речения: *Gyvaam kailio nelupsi, o taip nieko daugiau neturi, tai ka is jo beimsi?* (III, 11790) - 'С живого кожу не будешь драть, а раз у него больше ничего нет, так что же возьмешь с него?'

В русской идиоматике тоже нередки случаи разрыва старой живописующей поговорки и превращения пережиточного фрагмента ее в "неразложимое словосочетание". Говорят: "Голод не тетка" - и мало понятно, как это сложилось; почему не "Голод не родной отец", например? Старая полная форма поговорки вполне объясняет это: "Голод не тютка, пирожка не подсунет" (Сборник XVII в., изд. П. Симони, с. 91, № 599). Говорим: "Как с гуся вода" по самым разнообразным поводам, и значит это: '(Его, ее, их) это ничуть не огорчило (не смутило)', а старая формула была значительно конкретней и не допускала такого широкого и вольного применения: "Што с гуся вода - небыльные слова" (П. Симони, с. 157, № 2654), т. е. "Несправедливые упреки, обвинения (небылицы) легко опровергнуть".

Очень и очень редко происходил процесс обратного направления: древние сжатые лаконичные формулы идиоматического типа развертываются, раскрываются в более полный, вразумительный образ, утрачивая при этом идиоматичность.

В сборнике пословиц и загадок XVII в. читаем: "Аще-аще, что меду слаще?" (П. Симони, с. 77, № 131). Можно догадываться, что это была загадка-глум, осмеивающая сластолюбивого монаха или дьячка (вспоминаем злополучного любовника "дражайшей Солохи" в повести Гоголя "Ночь перед Рождеством", дьяка Афанасия Никифоровича). Подтверждение такому пониманию находим в современной частушке:

Ходи милый чаще!
Чего тебе слаще?
Либо сахар, либо мед,
Либо милка обоймет [16].

Такие исключения тоже подтверждают правило, т. е. помогают нам понять природу и пути образования фразеологии.

5

Весь приведенный мною выше материал показывает, как кристаллизуется идиоматика языка. Исходными оказываются свободные обороты речи, полные по составу, нормальные по грамматическому строю, прямые по значению.

Семантическое обновление наступает обычно в силу все более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению. Новое метафорическое значение имеет тенденцию к слитности, к некоторому упрощению. Параллельно этим семантическим процессам происходит обычно утрата некоторых звеньев фразы, тех слов, например, которые более всего относились к конкретному частному значению первоначальной фразы; далее меняется и грамматическая структура, а по мере общего переформирования системы языка старые устойчивые формулы все более и более

становятся неразложимыми семантически, лексически и грамматически. До наших дней доходят нередко только более или менее загадочные фрагменты древних речевых стереотипов.

Понятно, что до нашего времени сохранился далеко не весь запас фразеологических сочетаний прошлых эпох, утраты в этой области гораздо значительнее, чем в словарном составе языка. Ведь далеко не полностью наш старый фразеологический запас отражался в памятниках письменности, и мы видели уже, что большинство документированных фразеологических словосочетаний древней поры исчезло из употребления, стало нам неизвестным. Доказательством того, что в общем разговорном обиходе находится большое количество идиоматизмов, не принятых, не фиксируемых в литературном языке, может служить хотя бы наличие в Толковом словаре Даля множества фразеологических сочетаний, остающихся и до сих пор за пределами литературного языка. В феодальную эпоху различие и дистанция между разговорной речью и книжным языком, как известно, были гораздо больше, поэтому и не книжных, а исключительно разговорных идиом, не оставивших следов в литературном языке, должно было быть еще больше, чем теперь. Это подтверждают записи разговорных фразеологических словосочетаний в Русско-английско-латинском словаре Ричарда Джемса 1618-1619 гг.

Вот несколько примеров из большого количества имеющихся у него материалов:

л. 70: golova travil (голова травил) - he hath killd a man ('он убил человека');

л. 65: cerdita pogodia (сердито погодые) - foull wether, a storme ('ненастье, буря');

л. 50: vodou posadit (в воду посадить) - to put under the water ('утопить в воде');

л. 59: otecheskie diti (отеческие дети) - well born men ('люди хорошего рода');

л. 26: Spolate tebea, derisor (исполать тебе) - You doe worthily (насмешливо 'вы достойно поступаете');

л. 71: Za chest! (за честь) - I like it ('это мне по сердцу');

л. 55: Rot poluskait (рот полоскать) - to wash the mouth, as they say when on munday they will drink 3 or 4 charkes of wine and beere to clense their rockmeli ('промыть рот - так говорят в чистый понедельник [т. е. первый понедельник великого поста], когда хотят выпить 3-4 чарки вина, чтобы опохмелиться');

л. 69: Ne statishna deala (не статошно дело) - this is a buisnesse not to be effected ('это дело не выйдет');

л. 61: Grex le snait! (грех ли знает!) - so they speak in some doubts ('так говорят они, когда находят сомнение').

Вероятно, последнее речение - эвфемизм вместо: Черт ли знает!, теперь говорят: Черт его знает! В каждой из приведенных записей Р. Джемса есть главный признак идиоматичности - прибавочная значимость.

Подводя итоги сделанных выше наблюдений, мы можем наметить формулировку тех условий, какими определяется закономерность развития фразеологических стереотипов из переменных ("свободных") словосочетаний:

1. Первым условием образования идиоматических оборотов речи является утрата реалии, того жизненного опыта, явления, которому соответствует словосочетание в своей номинативной функции. Реалия отходит в историческое прошлое или существенно меняется, а это обуславливает потерю прямого значения соответствовавшим ей речевым выражением, невозможность непосредственного применения словосочетания. Утрату верования, смену воззрений, изменение социальных отношений, как это понятно, мы тоже относим к категории "исторической потери реалий".

Уже в XVII в. казались идиоматичными, например, такие старые поговорки: "Жил бы и в Ордь, только бы в добрь" (П. Симони, с. 104, № 994); "В боярский двор ворота широки, да з двора уски" (там же, с. 88, № 502).

2. Самым существенным и решающим условием преобразования простого речения в идиоматическое было семантическое обогащение, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности.

Примеры из сборника пословиц XVII в.: "Ъжь медведь татарина, а оба не надобе" (П. Симони, с. 160, № 2745); "Цъловаль воронь курку - до послѣднева перышка" (с. 154, № 2568), "Было ремесло да хмелемь зарасло" (с. 81, № 271).

3. В долгом речевом обиходе излюбленные выражения утрачивают подробности, укорачиваются, сохраняя лишь самые необходимые элементы, часто - только начало формулы. Привычное, давно известное, всем памятное понимается с полуслова, с полунамека. Первоначальный, нормальный состав речения деформируется, от него остается сигнальный фрагмент, который скоро превращается в идиому, неразложимое словосочетание, так как полная и ясная - исходная формула забывается. Таково третье условие.

В сборнике XVII в. сохранилась полная форма речения: "Хлопот полон рот, а перекусить нечево" (с. 148, № 2410). Теперь говорится только начало: Хлопот полон рот, что и обусловило превращение этого речения в идиому.

4. С этим умолчанием и последующим забвением части словосочетания может быть связано и нарушение первичной грамматической структуры, но и помимо того изменение грамматической формы речения, сохраняющегося в обиходе веками, происходит в связи с общей эволюцией грамматической системы языка. Знакомые нам, еще живые фразеологические сочетания в сборнике пословиц XVII в. сплошь и рядом имеют те или другие отличия чисто грамматического свойства: "Волки бы сыты, а овцы бы целы" (с. 86, № 442), "Языкь Киева даведеть" (без предлога) (с. 161, № 2763).

Раньше, еще в XVII и XIX вв., говорили: "Трусу праздновать", т. е. 'справлять праздник (святому) Трусу' (иронически), а теперь: "Труса праздновать".

Предложенный мною перечень условий закономерного образования фразеологических стереотипов может вызвать такой вопрос: а могут ли образоваться, образуются ли идиомы в современном языке? Или это характерно только для пройденных этапов истории языка, и новых идиом не будет?

Для того чтобы идиома как фрагмент забытого речения, которому свойственна полная спайка компонентов (семантическая, а часто и грамматическая неразложимость), могла вполне созреть, нужны века. Но фразеологические словосочетания включают не только идиомы, а и единства разной степени слитности. Следовательно, в современном языке могут зарождаться такие целостные словосочетания. На протяжении XIX - XX вв. можно наблюдать переход от вполне текучих ("свободных") к устойчивым словосочетаниям, часть которых, возможно, превратится со временем в идиомы. Переходные типы от простых выражений с прямым и конкретным значением к фразеологическим стереотипам возникают и сейчас. Нет никаких оснований отрицать

дальнейшее обогащение языка фразеологическими средствами на современном этапе его развития. Путь мысли от частного к общему, от конкретно-единичного к типично-обобщенному отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше - отвлеченно-точных формул и условно-символических обозначений. Иными словами, создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка.

Поэты и писатели нередко находят применение ходовым метафорическим словосочетаниям и идиомам не в их традиционном составе, а в обновленном виде, для полной ясности их применения к частному случаю или для нового их понимания. Ср.: "рыцари безнаказанной оплеухи" (вместо рыцарь печального образа) или "пустоцветы красноречия" (вместо цветы красноречия) у Салтыкова-Щедрина; "люби во все лопатки" (вместо беги во все лопатки) у Чехова [17].

Примеры "идиом в зародыше" могут послужить проверкой правильности предложенного выше определения условий образования идиоматических сращений.

На экзамене я услышал от студентки, смущенной вопросом, на который она не рассчитывала, такой ответ: "Это для меня потемкинская деревня!"

Фразеологическое сочетание потемкинские деревни употребляется уже давно, по крайней мере с начала XIX в. Первоначально конкретное наименование тех эфемерных деревень, которыми обставил "светлейший князь" Потемкин-Таврический путь следования в Крым царицы Екатерины II с иностранными послами, скоро стал иносказательным обозначением показного, мнимого благополучия, затем всякого вообще очковитательства. Так было до сих пор для тех, кто знал историю и верно представлял себе происхождение выражения "потемкинские деревни". Но некоторые представители нового поколения, недостаточно осведомленные в русской истории XVIII в., переосмысливают этот ходячий оборот речи. Они ассоциируют его уже не с именем Потемкина-Таврического, а с "потемками" или "темной деревней". Поэтому стало возможным и заменить форму множественного числа формой единственного: "Это для меня - потемкинская деревня!"

Приведу литовский пример.

В романе выдающегося литовского писателя Виенуолиса "Пуоджюнкиемис", в сцене схватки революционно настроенных рабочих с агитаторами клерикальной партии во время предвыборной кампании буржуазной эпохи, читаем такую реплику: *Ar tu zinai, kas tai yra davatka?* ("Знаешь ли ты, что такое девотка?"); *Tai velnio nesta - ir pamesta - zmogysta!*

В дореволюционной литовской деревне девотки (старые бабы "святоши") были добровольной агентурой ксендзов, сплетничали, клеветали, шпионили, доносили, губили людей. Понятна ненависть и отвращение к ним молодежи, передовых людей. Эта социальная оценка и выражена здесь в шуточной формуле, скрепленной ритмом и рифмой, она имеет признаки фразеологичности и, вероятно, распространится как "крылатое слово". Приблизительный перевод второй части реплики: "Это горе-человечица, чёртом ношена, да брошена!"

6

Дальнейшим итогом этой работы должна явиться такая классификация фразеологического материала, которая отвечала бы нуждам исторической фразеологии. Если в основу классификации, как показано, необходимо положить исторический принцип становления идиом, постепенного накопления идиоматичности в развитии от текучих словосочетаний к неразложимым, то и разряды в классификационной схеме должны отражать отдельные, ясно различимые этапы развития и перестройки исходных словосочетаний.

1. Итак, первый разряд - это переменные словосочетания, господствующие в каждом языке на любом этапе его развития.

По ступеням восхождения к неразложимым сочетаниям (идиомам) ближайшей категорией в имеющихся классификациях должны быть переходные от свободных к устойчивым, стереотипным словосочетаниям. В схеме Ш. Балли - это терминологические сочетания, четвертый подраздел среднего (2-го) типа. Я исключаю такую группу по приведенным выше соображениям: новые научные сложные термины вовсе не относятся к фразеологическим словосочетаниям, а традиционные, средневековые или античные сложные термины надо распределить между группами метафорических и неразложимых, смотря по их составу. Не вижу надобности и в сохранении третьей группы в схеме акад. Виноградова ("фразеологические сочетания"), так как сюда попадают выражения с минимальной степенью идиоматичности, находящиеся как бы на периферии подлинно фразеологических соединений, не имеющие своих характерных и показательных примет. Это преходящий, кратковременный эпизод в истории образования идиоматики языка. В классификации, прежде всего, должны быть четкими границы разрядов; так и было бы, если бы деление имело историческую базу, если бы группировались достаточно оформившиеся, определившиеся разновидности, а не зыбкие "проходные" явления.

2. Второй разряд словосочетаний отчетливо выделяется наличием стереотипности, традиционности и метафорического переосмысления, отхода от первоначального значения, иносказательным применением. Мы назовем эту группу метафорическими словосочетаниями - по главному, определяющему их признаку. Это соответствует "фразеологическим единствам" в схеме акад. Виноградова.

3. Третий и последний разряд - идиомы ("фразеологические сращения" акад. Виноградова и "неразложимые речения" Ш. Балли). От метафорических словосочетаний идиомы отличаются более деформированным, сокращенным, далеким от первоначального составом (лексическим и грамматическим) и заметным ослаблением той семантической членораздельности, какая и обуславливает метафоричность, т. е. смысловую двуплановость. Идиомы, как было сказано, образуются в итоге долговременного развития и формы и значения словосочетаний; это последний этап, так как в дальнейшем они могут только выпадать из фразеологического запаса, либо превращаясь в служебные элементы речи, либо вовсе исчезая из обихода.

Предложенная трехчленная схема отражает основные этапы истории словосочетания - от "свободного" к неразложимому. Сперва наименование реалии - прямое выражение восприятия какого-нибудь явления действительности, затем переносно-образное выражение обобщающей мысли, наконец, условный символ, в котором образность, семантическая двуплановость затемняется. Чем дальше зашла внутренняя и внешняя деформация или перестройка первичного выражения, тем меньше образности, тем бледнее и

отвлеченнее его значение. Ну что, например, осталось от былой образности в идиоме Как пить дать, ставшей синонимом наречий неминуемо, обязательно?

Итак, не шестичленная и не четырехчленная, а более простая - трехчленная схема:

- а) обычные словосочетания (переменные, "свободные");
- б) устойчивые метафорические словосочетания ("фразеологические единства", "стереотипные речения");
- в) идиомы ("фразеологические сращения", "неразложимые речения").

7

Можно ли ограничиться изучением фразеологического материала в историческом плане? Нет, конечно. Вопросы о применении его, о судьбах в современном языке, об удельном весе в фонде выразительных средств языка - не менее важны. Но функциональная характеристика несвободных словосочетаний лежит всецело в области стилистики. Едва ли можно на первый план стилистического изучения идиом и метафорических словосочетаний выдвинуть степень спаянности элементов, взаимоотношение первого и второго компонентов.

Для стилистики наиболее актуальны вопросы: 1) о "внутренней форме" фразеологических соединений, о втором семантическом плане, образе; 2) о типической широте обобщения; 3) о мотивировке включения фразеологических материалов в контекст, в литературную композицию; 4) об отношении лексико-семантического состава и грамматической структуры идиомы к живым нормам языка.

Наконец, для стилистики небезразлично определение ближайшего источника, социальной среды, откуда пришло в литературный язык вообще или в язык данного писателя то или другое устойчивое словосочетание. Стилистический эффект книжно-литературных идиом отличается от эффекта фразеологических стереотипов фольклора или народных говоров, а еще более ощутимы в стилистическом отношении профессиональные и арготические фразеологизмы.

Сравните:

- 1) литературно-книжные: скользит по поверхности; смотрит сентябрем; служит верой и правдой;
- 2) фольклорные: вольному воля, ходячему путь (П. Симони, с. 85, № 392); В чужие сани не садись (там же, с. 88, № 498);
- 3) профессиональные: Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют (там же, с. 75, № 77); Ахтуба пуста, а без караула не гуляй (там же, с. 74, №31); Бейся не бойся, без року смерти не будет (там же, с. 83, № 348);
- 4) арготические: Шито ожерелеицо - в два молота на стуле (там же, с. 157, №2680); Хорошо ожерелье - на турецкое дьло - в три молота стегано [о шейном кольце колодника] (там же, с. 151, № 2479).

Разработка фразеологии в стилистическом плане неотделима от общего стилистического анализа языка писателя. Я ограничусь этими замечаниями, так как стилистическое изучение идиоматики - тема следующей статьи.

Примечания

1. Мое мнение по этому вопросу таково. Идиоматически-целостные сочетания, с точки зрения лексикографа, являются словами, особым разрядом слов, поэтому их следует без колебаний помещать в словарях в виде отдельных статей, печатая жирным заголовком весь идиоматический оборот речи, вместо того чтобы прятать этот материал в концовках статей на то или другое составляющее слово. Что же касается "фразеологических единств", не столь целостных, как идиомы, то их по-прежнему надо помещать под одним из слов-компонентов, но не под грамматически управляющим словом, а под тем, которое создает метафорическое значение всего словосочетания, - оно и является его смысловым фокусом и, как правило, имеет не прямое, а переносное значение.

2. Это свидетельство "Азбуковника" дает прочное основание для установления традиции XVII в. в толковании известного сравнения из "Слова Даниила Заточника" (Академический список, изд. Н. Н. Зарубина. См.: "Слово Даниила Заточника..." Л., 1932, с. 5-6): "аки ношный вран на нырищи", т. е. на развалинах башни.

3. См.: "Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ". Секция филологических наук. Л., 1946, с. 45-69.

4. Акад. А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1947, с. 339-364.

В том же 1947 г. в книге "Русский язык (Грамматическое учение о слове)", с. 21-28, он [В. В. Виноградов] сжато повторил содержание двух названных статей.

5. Следовало бы рассмотреть семантическую перспективу этих изменений объема словосочетания. Если принять во внимание еще и вариант: Ни в зуб ногой, то едва ли можно сомневаться, что этот оборот речи крепостной эпохи означал первоначально: 'При надобности даже дать зуботычину для поощрения не умеет!'; затем: 'Ни к чему не годен', 'Ничего не умеет'. В конце концов Ни в зуб стало синонимичным выражению: Ни аза!

6. Следует заметить, что трудности исторического изучения не менее значительны в других разделах лингвистики: реконструкция звукового состава или грамматического строя языка по памятникам отдаленного прошлого так же может казаться "субъективной, спорной, сомнительной", как реконструкция в области семантики, лексикологии или фразеологии.

7. См.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII - XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. 1. СПб., 1899, с. 73-162.

8. См. подбор материала: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. Т. 2, с. 57.

9. См.: Зарубин Н. Н. (сост.). Слово Даниила Заточника. - Памятники древней литературы. Вып. 3. Л., 1932, с. 12, 18 и 26.

10. См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I, с. 253.

11. Слово Даниила Заточника. Чудовский список, XV в. - Это значит: "Развеселюсь, как веселятся кочевники, снимаясь со стойбища, пускаясь в путь".

12. Старинные сборники русских пословиц... Собр. П. Симони, с. 86, № 426.

13. Старинные сборники русских пословиц... Собр. П. Симони, с. 92, № 614.

14. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Т. II, с. 13, грамота 1508 г.

15. Kreve-Mickeviccius V. Patarles ir priezodziai. T. I. Kaunas, 1934, p. 560; т. II, ib., 1935, p. 320; Lietuviu patarles ir priezodziai. T. III. Kaunas, 1937, p. 205.

16. Русская частушка. Л., 1950, с. 220 (Б-ка поэта).

17. См.: Ефимов А. И. Об изучении языка художественных произведений. М., 1952, с. 69, 80.